

Психолингвистические аспекты процесса номинации в онтогенезе

© кандидат филологических наук *Н. Л. Тухарели, 2001*

Процесс именованя “вещей” и людей – важнейший этап в освоении ребенком окружающего мира, в формировании образа мира в детском сознании. Как справедливо заметил А. Моруа, “жизнь начинается с периода имен” [9, с. 217].

В рамках данной статьи мы предполагаем подробнее остановиться на описании некоторых особенностей процесса номинации в раннем детстве. В частности, будут рассмотрены некоторые важнейшие особенности отношения “ребенок – слово”, во многом определяющие своеобразие детской языковой картины мира. В качестве основного источника фактического материала в работе использованы данные о детской речи (ДР), представленные в русской автобиографической прозе о детстве (“Котик Летаев” А. Белого, “Детство Люверс” Б. Пастернака, “Другие Берега” Вл. Набокова, автобиографические очерки М. Цветаевой)¹.

Как отмечает Н. А. Николина, в основе данного источника сведений о развитии ДР “лежат самонаблюдения говорящего (автора)” [11, с. 143]. Попытка анализируемых нами авторов воссоздать детское восприятие мира, реконструировать детскую картину мира в ее становлении заслуживает, на наш взгляд, особого внимания, поскольку речь в данном случае идет о “самонаблюдениях” выдающихся людей своей эпохи.

Размышляя об эпохе рубежа XIX-XX вв. в России, Н. А. Бердяев писал: “Много даров было послано русским людям того взволнованного времени” [1, с. 134]. Одним из таких даров, на наш взгляд, был “дар детства”, которым несомненно обладали многие из блестящих творцов русской культуры той эпохи. Создается ощущение, что впитывая в себя мир во всех его мельчайших деталях, звуках и запахах, “дети рубежа веков” как будто спешили набрать побольше впечатлений, запастись воспоминаниями, которые потом будут так необходимы². Вл.Набоков,

¹ Мы считаем, что для решения того круга вопросов, которые затронуты в рамках нашего исследования, использование данного источника сведений о ДР столь же правомерно, как и использование дневниковых записей ДР и результатов специальных экспериментов. При этом мы, безусловно, принимаем во внимание тот факт, что “детские восприятия” в анализируемых нами текстах могут быть переданы “знаками, чуждыми детскому языку” [15, с. 48].

² Ср.: Вл. Набоков: “В смысле этого раннего набирания мира русские дети моего поколения и круга одарены были восприимчивостью поистине гениальной, точно судьба

как впрочем и А. Белый, и Б. Пастернак, и М. Цветаева, бесспорно принадлежат к той особой породе людей, которые, по словам А. Моруа, “на всю жизнь отмечены печатью детства” [9, с. 235].

Анализируемые нами мемуарные и художественные тексты блестяще, на наш взгляд иллюстрируют весь круг вопросов, касающихся психологических и лингвистических особенностей отношения “ребенок – слово”. Данное отношение рассматривается нами в рамках другого отношения – “ребенок – вещь”, внутри которого оно и складывается, что, собственно, и обуславливает особенности детского “контакта” со словом.

Каждая эпоха и жизнь отдельно взятого человека имеют свой “вещный” облик. В разные периоды нашей жизни меняется не только круг вещей, в которых мы живем, но и наше отношение к ним. Неизменным остается лишь одно: с самого начала отношение человека к вещам не только утилитарное, но и эмоциональное. Этим, в частности, объясняется тот факт, что часто вещи, окружающие человека, заряжены только ему известным смыслом³.

Ребенок изначально вплетен в реальные разнообразные связи с окружающими его предметами, и среди первых впечатлений ребенка об открывающемся ему мире особое место занимают впечатления о предметах⁴. Нельзя не оценить важность этих первых впечатлений, поскольку они во многом определяют особенности формирующегося мировосприятия и мироощущения.

Отношение “ребенок – вещь” складывается уже на самом раннем этапе жизни ребенка: еще в младенчестве. По наблюдению психологов, в первые годы жизни ребенка его взаимоотношение с окружающим предметным миром по-своему уникально, что обусловлено известной психологической особенностью ребенка – свойственным ему ощущени-

предвидении катастрофы, которой предстояло убрать сразу и навсегда прелестную декорацию, честно пыталась возместить будущую потерю, наделяя их души и тем, что по годам им еще не причиталось” [Другие берега (в тексте принято условное сокращение ДБ), с.368]. Цит. по: В. Набоков. Машенька. Защита Лужина. Приглашение на казнь. Другие берега (фрагменты): Романы. М., 1988.

³ Ср.: М. Эпштейн: “Каждая вещь обладает или может обладать лирической ценностью. Это зависит от степени пережитости и осмысленности данной вещи, от того, насколько освоена она в духовном опыте владельца” [18, с. 303].

⁴ Не случайно лексический анализ произведений, посвященных теме детства, показывает высокую частотность конкретной вещной лексики, с помощью которой строятся описания разнообразных ситуаций повседневной жизни, запечатленных навсегда в детской памяти. Такая лексика составляет, например, по наблюдению О. Г. Ревзиной, почти половину словаря ранних сборников М. Цветаевой // Ревзина О. Г. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического идиолекта. Доклад ... д-ра филол. наук. М., 1998. С. 48.

ем слитности со средой⁵. Как отмечается в работах по психологии раннего детства, до трех лет ребенок еще не выделяет себя из окружающего мира, он как бы растворен в нем⁶.

Первоначальная “растворенность” ребенка в мире – причина анимистического мышления детей. Ребенок еще ощущает предметы неодушевленного мира в себе, так же как ощущает себя в них. Это состояние хорошо иллюстрируют слова Котика Летаева из одноименной повести А. Белого: *Все во мне, я – во всем* [с. 301], *Я и все кругом – связаны* [с. 315]⁷. Следствием этого соучастия, этого ощущения слитности с окружающим миром является то, что “ребенок начинает приписывать предметам тот же образ жизни, что и его собственный” (3, с. 109)⁸.

В исследованиях в области ДР уже отмечалась такая ее особенность, как семантическое единство одушевленного и неодушевленного субъекта. Следствием данного факта является, в частности, отмеченное А. О. Костылевым расширение круга номинативных единиц в функции обращения в ДР – за счет использования наименований неодушевленных предметов (ср., напр.: *Карандашик, нарисуй мамочку. Не брызгайся, кран*). Неограниченные возможности персонификации реально неодушевленных предметов и использование подобных номинаций в позиции обращения свидетельствуют о том, что ребенок еще не освоил разделение мира на живое и неживое [6, с. 74].

В силу тех же особенностей детского мышления (диффузность мышления и анимизм) у ребенка устанавливается особый контакт с окружающими его предметами. Ребенок по-своему “видит” вещи, он “слышит” их голоса, он ощущает “тихую работу вещей” над собой.

Как замечает М. Эпштейн, “мир артикулируется, «выговаривается» в вещах” [18, с. 304]. Услышать же голос, заключенный в вещах, легче ребенку, чем взрослому. Вл. Набоков вспоминает, как, стоя как-то в кабинете своего отца, он чувствовал, как его чувства подвергаются “це-

⁵ Подробнее об этом см. в работах К. Бюлера [2], В. Штерна [17], Ж. Пиаже [12], А. Валлона [3], К.-Г. Юнга [19], Л. С. Выготского [4].

⁶ Невольно вспоминается строка Р.-М. Рильке из стихотворения “Детство”: “Там [в детстве] ты среди животных и вещей Как равный жил...” // Р.-М. Рильке. Новые стихотворения. М., 1996. С. 94.

⁷ Примечательно, что на смену этим фразам приходят высказывания типа: *А вот он — “я”... А вот — “муха”* [с. 367], *Вот он — “я”, вот он — пруд* [с. 371], свидетельствующие уже о том, что в процессе развития самосознания героя, слитность ребенка с окружающим миром исчезает. Цит. по: *Белый А. Котик Летаев* (в тексте принято условное сокращение КЛ) // Собр. соч.: в 2-х тт. Т. 1. М., 1990.

⁸ Не случайно одним из ярких стилистических приемов, воспроизводящим особенности ДР в художественном тексте, является олицетворение. Тот “совершенно откровенный антропоморфизм” [20, с. 329], который затрагивает мир неодушевленных предметов в анализируемых нами литературных произведениях, отражает реальную особенность детского мышления — анимизм, приписывание сознания предметам.

леобусловленному” воздействию со стороны окружающих его предметов, “как будто собравшиеся в полутьме знакомые предметы сознательно и дальновидно стремились создать тот определенный образ, который у меня теперь запечатлен в мозгу” [ДБ, с.410]⁹.

Итак, ребенку присуще особое видение вещей, особое ощущение, которое впоследствии, как правило, утрачивается взрослыми. Первое видение, первое ощущение предмета не сопоставимо с последующими. Различие в восприятии мира ребенком и взрослым очень точно, на наш взгляд, сформулировал В. Шкловский. Автоматизм восприятия, свойственный взрослым, приводит, по мнению В. Шкловского, к тому, что вещи “не видятся” нами, а всего лишь “узнаются по первым чертам”¹⁰. Ребенок же, в отличие от взрослого воспринимающий и познающий мир без размышления, “только чувством, иррационально” [15, с. 45], “видит” вещь и поэтому может что-то “сказать” о ней, ему открыт смысл вещей¹¹.

Вместе с тем в вещном мире, который во всем своем многообразии обрушивается на ребенка с первых дней его жизни, много непонятого, а следовательно, тревожного. Боязнь нового, непривычного — еще одна известная психологическая особенность ребенка — имеет, по мнению психологов, “определенную инстинктивную основу” и “выполняет защитную функцию” [18, с. 241]. Напряженность детского непонимания отчетливо проступает в следующих фразах Котика Летаева: *С террасы ведут на дорожку четыре ступеньки (...) ты сойди — потеряешь себя; и открыта глубокая яма (...) в яме — страшно (...) бессмысленно — все* [с. 370]; *Там пучился мир (...) и в бестолочь разбивались там бреды* [с. 371]; *(...) Бабушка там, бывало, сидит, копошится: непонятная она; мне страшна* [с. 424].

Преодолеть страх перед неизвестным предметом, лицом можно, только установив с ним контакт, вступив с ним в какие-нибудь отношения, а для этого, в свою очередь, необходимо знать его имя. Узнать имя

⁹ Отношение “человек — вещь” понимается Набоковым как двустороннее: с одной стороны, предметы “впечатлеют” нам в душу, с другой — мы оживляем их собой, вкладывая частички нашей души. Не случайно герой романа “Дар”, покидая нелюбимую обитель испытывает жалость к вещам, “которые собой не оживил”. Потому что “этот мертвый инвентарь, — убежден Набоков, — уже не воскреснет потом в памяти”. Цит. по: *Набоков В. В. Собр. соч.: в 4-х тт. Т. 3. М., 1990. С. 130.*

¹⁰ Ср.: *В. Шкловский*: “Вещи, воспринятые несколько раз, начинают восприниматься узнаванием: вещь находится перед нами, мы знаем об этом, но ее не видим. Поэтому мы не можем ничего сказать о ней” [16, с. 15].

¹¹ Тема особого знания, присущего детству, звучит в следующих строках М. Цветаевой: *Все скажи, — ведь дети знают все!* [с. 20]; *Мы [дети] знаем, мы многое знаем Того, что не знают они [взрослые]* [с. 13]; *Что ясно нам — для них совсем туманно* [с. 43]; *“О, я знаю о многом, о многом, Но откуда — сказать не могу”* [с. 68]. Цит. по: *Цветаева М. Собр. соч.: в 7 тт. Т. 1.: Стихотворения. М., 1994.*

вещи – верный способ “приручить” ее, включить ее в “свой” мир. Великолепные примеры успокоительного действия имени на ребенка находим у А. Белого: *Круглота, деревянная голова, мне бывало стрекочет со стены очень строгими стрелками (...), но Раиса Ивановна посмотрит и скажет: – “Часы”. Круглота, деревянная голова, не страшит* [КЛ, с. 411]¹².

Причиной такого успокоительного действия слова на ребенка может служить тот факт, что, как неоднократно отмечалось в работах по психологии детства и психолингвистике, слово – наименование предмета – служит ребенку “не только символом, но и определением, и даже объяснением” данного предмета [12, с. 227]. На ранней стадии развития речи в сознании ребенка создается связь между предметом и его наименованием: имя предмета, т. е. знак языка становится как бы частью или свойством предмета, дифференциация на слово и предмет еще не происходит. Как пишет Л. С. Выготский, “для ребенка само слово есть прозрачное стекло, через которое ребенок смотрит на то, что скрыто за этим стеклом, но не видит самого стекла” [4, с. 364]¹³.

Но ребенок не долго довольствуется лишь знанием имени вещи. На следующем этапе освоения мира появляется потребность все объяснить, дойти до смысла той или иной вещи. Потребность в обосновании во что бы то ни стало – “общий закон вербального понимания ребенка” [12, с. 151]. Каждое явление, по мнению ребенка, может быть обосновано тем, что его окружает. При этом ребенку необходимо иметь свою мысль о вещи. Важнее всего для него то, что он сам думает об окружающем его мире. А. Белый: *Мое “я” было связано с лабиринтами комнат; и комнаты мне менялись мгновенно: от моих о них мнений (...)* [КЛ, с. 367].

Вещи, имена которые еще не “проросли смыслами”, о которых нет еще собственной мысли, подобны глухонемым: они не “слышат” тебя и не могут тебе ничего “сказать”. Не случайно в эпизодах, передающих мучительное непонимание Котика Летаева окружающих его предметов

¹² Ср. также известный эпизод из “Детства Люверс” Б. Пастернака: *Чай в стаканах был красен. Манжеты и карты — желты, сукно — зелено. Это было похоже на бред, но у этого бреда было свое название, известное и Жене: шла игра.*

Зато нипочем нельзя было определить того, что творилось на том берегу, далеко-далеко: у того не было названия (...). Женя расплакалась. Отец вошел и объяснил ей (...). Объяснение отца было коротко: — Это — Мотовилиха. (...) Девочка ничего не поняла и удовлетворенно сглотнула катившуюся слезу. Только это ведь и требовалось: узнать, как зовут непонятное, — Мотовилиха. В эту ночь это объяснило еще все, потому что в эту ночь имя имело еще полное, по-детски успокоительное значение [Детство Люверс (в тексте принято условное сокращение ДЛ, с. 57)]. Цит. по: *Пастернак Б. Л. Воздушные пути. М., 1982.*

¹³ Ср. также: *Е. С. Кубрякова: “Имя вещи — это та «крыша», под которую подводится вся вещь в целом, первые акты референции — это потому соединение вещи или образа вещи с ее именем, их связывание в единую структуру” [7, с. 8].*

или явлений, так частотны слова *немой, глухонемой, невнятица* и т. п.: (...) *И открыта глубокая яма (...) глухонемой тоской тяготит* [с. 368]; (...) *Порхает невнятица листьев* [с. 369]; (...) *Двигаюсь – в сонные сумерки, в него нецветные воды болота* [с. 370]; *Все – сжималось; и – уходило в невнятицу* [с. 402]; (...) *Но кишит бестолковица (...) Какая такая – не знаю* [с. 371].

Поскольку смысл вещи “просвечивает”, “прорастает” сквозь ее имя, понимание каждой новой ситуации приходит к ребенку через освоение слов, описывающих эту ситуацию. Вспоминаются слова М. Мамардашвили: “В действительности мы воспринимаем не вещи, не предметы, а воспринимаем предметы в терминах и в свете их названий” [8, с. 446].

Отсюда особое “ощущение” слова, свойственное ребенку. Звуковой или графический облик конкретного слова может вызывать самые разнообразные эмоции: удовольствие, неприязнь, восторг, страх и т.д. Слово может даже иметь свой цвет и вкус. Б. Пастернак: *Путешествие было обоим в новинку, но он знал и любил уже слова: “депо”, “паровозы”, “запасные пути”, “беспересадочные”, и звукосочетание “класс” казалось ему на вкус кисло-сладким* [ДЛ, с. 66]; *Какой-то край, какая-то местность (...) у нее есть громкое, горное имя, раскатившееся кругом – Урал* [ДЛ, с. 68]; М. Цветаева: *И слово любила “бемоль”, такое лиловое и прохладное (...)*¹⁴.

Ребенку свойственно устанавливать определенную связь между звучанием слова и его значением, определять внутреннюю форму каждого вновь услышанного слова. А. Белый: *Поражает звук слова “Кремль”: “кре” – крепость выступцев (кре-мля, кре-ма, кре-пости), а “мль” – мягкость, сладость* [КЛ, с. 349]. Б. Пастернак: (...) *граны, драхмы, скрупулы и унции, казавшиеся ей всегда четыремья возрастами скорпиона* [ДЛ, с. 75]. М. Цветаева: (...) *скрипичный ключ. Слово – такое чудное и протяжное и именно непонятностью своей (почему скрипичный, когда – рояль) внедрявшееся (...)* [ММ, с. 17].

В исследованиях, посвященных проблеме мотивированности знаков языка в онтогенезе речевой деятельности, не раз отмечалось стремление ребенка “вскрыть или использовать в своей речевой деятельности внутреннюю форму слова” [5, с. 77]. Дневниковые записи ДР, а также результаты специальных экспериментов убедительно свидетельствуют о том, что ребенок “практически постоянно держит под контролем внутреннюю форму слова” [15, с. 28]. Как отмечает А. В. Захарова, способность ребенка семантически мотивировать незнакомое слово, помогает

¹⁴ Цит. по: *Цветаева М.* Мать и музыка (в тексте принято условное сокращение ММ) // Собр. соч. в 7-и тт. Т. 5. С.17

ему определить место данного слова в кругу других лексических единиц [5]¹⁵.

Точное, буквальное понимание слов, свойственное ребенку, приводит к тому, что всякую метафору ребенок переживает как реальность. “Ребенок верит в реальность метафорических мифов”, – писал А. Белый, подтверждая свои слова многочисленными примерами оживления устойчивых метафор, “воскрешения живого, изначального слова”¹⁶. Вот, например, к какому выводу приводит логический ход рассуждений маленького Котика Летаева, пытающегося понять смысл выражения “падать в обморок”: (...) *упал в обморок – значит: упал, куда падают; а ведь падают – вниз; внизу – пол; под полом доктор Пфеффер проказникам дергает зубы; и – попадают к нему* [КЛ, с. 328].

Итак, в процессе освоения ребенком окружающего мира очень важная роль отводится особому, “магическому” сцеплению вещи со словом. Имя вещи, воспринимаемое как ее неотъемлемая часть, служит ребенку своего рода объяснением данной вещи, и, главное, дает тем самым возможность “приручить” вещь, сделать ее “своей”.

Как известно, отождествление имени и именуемой реалии является характерной особенностью первобытного сознания, что отражается в ритуалах имяположения, установления имени, отмеченных для многих архаичных культур. “Через имянаречение, – пишет В. Н. Топоров, – элементы мира вызываются из небытия к бытию, из хаоса в космос и усваиваются (становятся “своими”) коллективом. Тем самым язык, слово, имя как бы вторично творят мир в самих себе, обезвреживают его от всего опасного и деструктивного (...)” [13, с. 147]. Все сказанное можно с известным основанием отнести и к процессу именованию вещей в раннем детстве, когда мир вещей и людей, в который вступает ребенок, начинает “осваиваться – усваиваться” словом.

Мир, освоенный словом, это уже “свой” мир – мир, каждый элемент которого имеет свое объяснение, свой смысл. И с каждым вновь усвоенным словом мир вокруг ребенка не только расширяется, но и становится все более упорядоченным.

Язык для ребенка выступает, на наш взгляд, в роли своего рода упорядочивающей структуры, в роли “идеального”, “умного” предмета, наблюдение за которым, приобщение к которому способствует, по мне-

¹⁵ Анализ детской лексики с точки зрения мотивированности представляет, на наш взгляд, особый интерес в плане изучения детской языковой картины мира, поскольку позволяет вскрыть свои, особые взаимосвязи и взаимоотношения реалий в известном ребенку окружающем мире.

¹⁶ См.: Предисловие А. Белого к неосуществленному изданию романа “Котик Летаев” (публикация А. В. Лаврова) // Русская литература, № 1, 1998. С. 219.

нию философов, установлению гармонии во внутреннем мире наблюдателя¹⁷.

Ребенок организывает, упорядочивает свое бытие через язык. В этом смысле процесс именования вещей в раннем детстве можно считать особым средством гармонизации мира, условием воспроизводства порядка в мире хаоса.

Л и т е р а т у р а

1. Бердяев Н. Самопознание. М., 1990.
2. Бюлер К. Духовное развитие ребенка. М., 1924.
3. Валлон А. Психическое развитие ребенка. М., 1967.
4. Выготский Л. С. Психология детства // Собр. соч. в 6-ти т. Т. 4. М., 1984.
5. Захарова А. В. Опыт лингвистического анализа словаря детской речи. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1975.
6. Костылев А. О. Обращение в детской речи // Детская речь как предмет лингвистического изучения. Л., 1987.
7. Кубрякова Е. С. Специфика актов референции в детской речи // Детская речь: проблемы и наблюдения. Л., 1989.
8. Мамардашвили М. Лекции о Прусте. М., 1995.
9. Моруа А. Литературные портреты. М., 1970.
10. Николина Н. А. О способах воспроизведения детской речи в художественном тексте // Детская речь как предмет лингвистического изучения. Л., 1987.
11. Николина Н. А. Слово в детской картине мира и лексико-семантическая организация автобиографических произведений о детстве // Детская речь: проблемы и наблюдения. Л., 1989.
12. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. С.-П., 1997.
13. Топоров В. Н. О некоторых предпосылках формирования категории притяжательности // Славянское и балканское языкознание. Проблемы диалектологии. Категории possessивности. М., 1986.
14. Харченко В. К. Семантика слова в детской речи // Детская речь как предмет лингвистического изучения. Л., 1987.
15. Чернейко Л. О. Сознание как объект художественного осмысления в повести А. Белого "Котик Летаев" // Серебряный век русской литературы. М., 1996.
16. Шкловский В. О теории прозы. М., 1983.
17. Штерн В. Психология раннего детства. Петроград, 1922.
18. Эпштейн М. Вещь и слово. К проекту "лирического музея" или "мемориала вещей" // Вещь в искусстве. М., 1986.
19. Юнг К.-Г. Конфликты детской души. М., 1995.
20. Якобсон Р. Заметки о прозе Б. Пастернака // Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987.

¹⁷ Как известно, античные философы относили к таким "предметам" звездное небо, музыкальное произведение и др. В философской концепции М. Мамардашвили роль упорядочивающей структуры отводится любому истинному произведению искусства и мысли. Подробнее об этом см. в: Мамардашвили М. Лекции по античной философии. М., 1997.